

— Эх, и правда, все мы живём в тяготах, пытаюсь выжить, — Ду Хань, положив аккуратно срезанную кожуру яблока в сторону, отрезал кусочек и протянул его Гу Шэну, с чувством произнёс. — Я слышал, у вас есть поговорка: «Восемь лет учёбы — словно десять лет тюрьмы». Вы говорите, что из сотни выбирают одного, и тот, кто выдержал, становится звездой. Но ради чего? Славы? Богатства? Просто чтобы жить хорошо, верно? Именно ради этой хорошей жизни и стоит стремиться.

Гу Шэн слушал его, неопределённо кивая.

— Цзиньчжоу — это ведь крупный «порт», трудно здесь выжить, — Ду Хань, отправив кусочек яблока в рот, вздохнул. — Сейчас вы знаменитый артист, но зарплату вам всё ещё выдает труппа, верно? Премии с выступлений тоже не достаются вам лично? Даже если сложить всё это, разве это сравнится с тем, что Цзян Шао дарит вам часы или украшения? Помещики, чиновники, банкиры, милитаристы — вы прошли через всё это и наконец вырвались наверх. — Посмотрите, как Цзян Шао относится к вам в последнее время. Это действительно беспрецедентно, трогательно до слёз. Он просто ещё не осознал, как вы ему дороги. Если вы смягчите своё выражение лица, скажете пару добрых слов, даже самый суровый мужчина растает, и ваша хорошая жизнь не заставит себя ждать.

Ду Хань, долгое время бывший студенческим лидером и главой дебатного клуба, говорил плавно и убедительно, совсем не замечая лёгкого раздражения на лице Гу Шэна. Он хотел продолжить, но был прерван тихим голосом Гу Шэна:

— Хватит. Ты устал. Выйди.

— Нет... — Ду Хань замер на мгновение, а затем рассмеялся, пристально глядя на бледного и худого мужчину на больничной кровати. — Гу Лаобань, вы думаете, я говорю это в состоянии усталости? Нет, это не так. Вы, возможно, не замечаете, но подумайте. Если со мной что-то случится, разве кто-то посреди ночи позвонит врачу, чтобы тот приехал и занимался только мной? Я тяжело работаю, обслуживаю всех этих господ, не смея сказать им ни слова против. А вас Цзян Чэн заметил, и это — ваш шанс на счастливую жизнь, удача, о которой другие только мечтают. Другими словами, если бы не защита Цзян Чэна, разве вы бы жили сейчас в такой роскоши?

— Если ты скажешь ещё одно слово, — холодно произнёс Гу Шэн, бросая на него взгляд, — у тебя больше не будет возможности служить.

Его угроза была холодной и дерзкой, выражение лица словно полностью изменилось. Ду Хань замер, проглотив остатки яблока:

— Ладно, ладно... Я просто хотел дать совет, Гу Шэн, не будь неблагодарным!

— Совет? — Гу Шэн, только что переворачивавший газету, резко повернулся, с силой швырнув её на тумбочку. — Хорошая жизнь? Если ему не угодить, он начинает злиться, бьёт, приставляет пистолет к голове и заставляет ложиться с ним. Он выпускает меня только тогда, когда хочет покрасоваться. Это та жизнь, о которой ты мечтаешь? Я забросил свои тренировки, пение, актёрское мастерство. Вокруг все говорят, что я бесстыдно соблазнил молодого генерала. Я не хочу этой «хорошей жизни», а вокруг полно сумасшедших, которые называют меня неблагодарным. Может, ты хочешь, чтобы он тебя «возвысил»? А?

— Пристроившись к помещикам, чиновникам, милитаристам, разве это хорошая жизнь? Я хочу петь! Петь на сцене, даже если зрителей нет, — это моя хорошая жизнь! У тебя в голове только выгода, а ты ещё и учишь других?

Раньше Ду Хань считал Гу Шэна мягким и уступчивым, но никогда не ожидал, что этот, казалось бы, спокойный и непритязательный молодой человек может говорить так резко и язвительно, словно отточенный клинок, вырывающийся из старой оболочки и направленный прямо в горло.

Эти беспочвенные обвинения заставили Ду Ханя почувствовать себя глубоко оскорблённым. Он считал, что Гу Шэн ведёт себя странно, и, чувствуя обиду на то, что его добрые намерения были восприняты в штыки, повысил голос:

— У меня в голове только выгода? Неделю назад я рисковал жизнью, убеждая Цзян Чэна не ругаться и не бить тебя! Я говорю тебе, что бы ты ни думал, участь артиста — это твоя судьба!

Он был образованным человеком, получившим западное образование, и, в отличие от Цзян Чэна, который учился только ради престижа, всегда уважал народных артистов и мастеров. Эти слова вырвались у него невольно, и он сам удивился, попытался поправиться, но было уже поздно.

— Выйди! Кх-кх... — Гу Шэн резко повысил голос, возможно, из-за резкого движения, вызвавшего боль, или из-за эмоционального напряжения, его голос сорвался, и он начал кашлять, заставляя его свернуться на боку!

Гу Шэн изначально полулежал на сложенных подушках на больничной кровати. Из-за их мягкости худощавое тело молодого человека почти полностью утонуло в них. Ду Хань, сев, увидел его профиль, освещённый утренним светом, и даже доктор Ду, обычно интересующийся только новыми медсёстрами, не мог не отметить, как красив этот человек. Его профиль был безупречен, словно вырезан по шаблону. Но сейчас этот профиль почти полностью скрылся в подушке, а простыня смялась под ним.

Подавленный кашель застрял в груди, и вся кровать дрожала, словно не могла дышать.

Голова Ду Ханя пронзилась паникой, и он, почти по профессиональному инстинкту, вскочил и попытался повернуть лицо Гу Шэна:

— Что случилось? Где болит? Не волнуйся, я только что получил выговор от старого Вана, и, видимо, не сдержался... Эй, не двигайся! Не двигайся... Кто дежурит?.. Сяо Линь! Сяо Линь!

Он удерживал Гу Шэна, чтобы тот не навредил себе ещё больше, одновременно бессвязно объясняя, что его слова были ерундой и не стоит принимать их близко к сердцу, и крича в коридор за медсёстрами и дежурным врачом. Гу Шэн, сжав брови, выглядел так бледно и измученно, что казалось, будто его беззвучный кашель разрывает его изнутри. Секунды казались вечностью, пока, наконец, дверь палаты не распахнулась!

— Доктор Чжан, скорее... — Ду Хань, не оборачиваясь, начал говорить, но почувствовал, что никто не подходит на помощь. В голове зазвенели тревожные звоночки, и, прежде чем он успел понять, что происходит, его рука словно сломалась от боли, и он был отброшен от кровати!

— Что ты тут устроил?!

Рёв Цзян Чэна заглушил все остальные звуки, оставив Ду Ханя в полной растерянности.

Доктор Чжан, директор Ван, Сяо Линь, Сяо Ли и Сяо Ван вошли в палату. Анестезиолог ввёл успокоительное, и пациент был аккуратно перемещён на носилки, после чего его увезли в

реанимацию.

Цзян Чэн яростно посмотрел на Ду Ханя, замер на мгновение, а затем последовал за ними.

Теперь всё кончено. Ду Хань, опираясь на стену, поднялся с пола, его лицо было бледным, как у призрака. Теперь ему точно больше не придётся служить этим господам.

Ду Хань несколько дней дрожал, как лист, рядом с этими живыми мечами Дамокла, боясь даже сглотнуть, чтобы не разозлить Цзян Чэна и не быть расстрелянным.

Но, к его удивлению, всё прошло спокойно, и Цзян Чэн не стал его преследовать.

Ду Хань знал, что Цзян Чэн — человек мстительный, особенно когда дело касается его любимцев. Он не верил, что ему просто повезло, и Цзян Чэн оставил его в покое. Вероятно, причина крылась в том самом актёре, которого он чуть не довёл до кровохарканья.

Он не знал, как Гу Шэн объяснил ситуацию Цзян Чэну, но тот взгляд Цзян Чэна явно указывал на то, что Ду Хань был виновен в том, что Гу Шэн закашлялся до потери сознания. Это осознание заставило Ду Ханя почувствовать себя виноватым. Он начал понимать, что его слова были ошибочными и что он глубоко неправильно понял этого молодого человека.

Это чувство было ужасным, словно все его прежние убеждения о «равенстве и братстве» были разрушены им самим. Ду Хань несколько раз проходил мимо палаты 825, видя, как молодой артист спокойно листает ноты, и хотел зайти, чтобы извиниться или поговорить о театре. Но каждый раз он колебался и так и не сделал шаг.

Примерно через пять дней, после того как Ду Хань снял гипс с Гу Шэна, тот уже не собирался оставаться в постели.

<http://bllate.org/book/16144/1445693>